

Цзыжоу была до смерти заинтригована. Едва она увидела, как её госпожа ест, у неё самой проснулся зверский аппетит. Сейчас она, облизываясь и сглатывая слюну, осторожно ущипнула кусочек лакомства.

— М-м-м!

— Вкусно? — усмехнулась Линь Ляоляо.

— М-м-м! — Цзыжоу закивала так часто, что, казалось, вот-вот оторвёт голову. — Госпожа, я дожила до таких лет, но никогда не ела ничего вкуснее! Вы не скажете, как это готовится? Почему оно... ну почему оно такое вкусное? Честное слово, за одну эту банку сладостей я бы даже на место небожителя не согласилась променять!

— Ц-ц-ц, всего лишь банка сахара, а ты уже небожителей приплела, — Линь Ляоляо ущипнула её за пухлую щечку и слегка потрясла. — Ох и мастер ты на сладкие речи.

— Служанка не льстит, я говорю чистую правду. Госпожа, вы никогда не голодали и не знаете, как это мучительно.

— Ты голодала?

Линь Ляоляо бросила это замечание невзначай, но Цзыжоу вдруг очень серьёзно закивала:

— В четвёртый год правления Тяньбао начался голод. Я пришла из другой провинции, прося милостыню. До сих пор помню тот ужас: повсюду беженцы, люди, которые только что разговаривали с тобой, в следующую минуту уже были мертвы. Трупы валялись повсюду. Некоторые от крайнего голода ели мертвецов, даже кости не щадили, дробили их, чтобы высосать остатки соков. Но я не ела. — Цзыжоу испугалась, что госпожа поймёт её превратно, и поспешно добавила: — Мои родители говорили: лучше умереть с голоду, чем стать людоедом. Иначе, даже если сегодня чудом спасёшься, всю жизнь будешь нести на себе это проклятие.

Цзыжоу посмотрела на две банки сладостей в своих руках, и у неё от слёз заблестели глаза:

— Госпожа, я должна отплатить госпоже Сунь. Без неё я бы не выжила, и моих родителей не удалось бы похоронить по-человечески. Её великую доброту я буду помнить до конца своих дней.

— Ты про наложницу Чжао? Нет, такого не было.

— Ничего, просто спросила.

— Госпожа, вы что-то вспомнили?!

— Умерла от голода.

Их разговор был куда увлекательнее любого театрального представления.

Линь Ляоляо погладила подбородок, вспоминая свою странную реакцию мгновение назад.

— Я не знаю подробностей, но готова поклясться, что это дело рук второй барышни! В тот день в кабинете были только вы и она, а потом она притворилась невинной овечкой и заливалась слезами перед господином.

— Моя мать... она правда оступилась и упала в реку?

Рука Цзыжоу, державшая чайник, дрогнула, и струя воды мимо чашки полилась на стол.

— А что ещё там высматривать? Всё тех же змей, у которых нет ни капли совести.

— ...

— А у родственников наложницы Чжао есть проблемы с речью?

— Заикание от рождения?

Линь Ляоляо протянула руку и смахнула слёзы с её лица:

— Отныне, пока ты со мной, будешь есть вдоволь.

Линь Ляоляо поняла: неудивительно, что в тот день, когда она бросилась в реку, имитируя самоубийство, Цзыжоу, даже не умея плавать, прыгнула за ней в воду.

Говорят, что только те, у кого на душе горько, нуждаются в сладостях. Если во рту будет сладко, то и на сердце станет легче.

— Вы как в воду глядели, все они — змеи, у которых нет ни капли совести, — Цзыжоу подвинула банку с карамелью ближе к центру стола. — Жаль пятую барышню. Из-за врождённого заикания братец Сунь вечно издевается над ней. Хорошо, что сегодня была Старая госпожа, а то неизвестно, чем бы всё закончилось.

Оказывается, здоровье госпожи Сунь всегда было слабым. Когда она утонула, проходящий мимо мастер-плотник увидел это и сообщил Старой госпоже Линь. Та немедленно разыскала мастера, и он рассказал, что слышал, как госпожа Сунь говорила, что её дочь хочет рыбы, и она собиралась сама спуститься к реке, чтобы поймать её и сварить суп.

Когда Цзыжоу говорила о своих родителях, она не плакала, но стоило зайти речи о госпоже Сунь, как слёзы покатались градом.

Наложница Чжао была служанкой, пришедшей в приданое с Лю Хуэй.

Вспоминая страх в глазах Линь Цзиньчжэнь, когда та разговаривала с Линь Цзиньшу...

Линь Ляоляо казалось, что в её голове разыгрывается настоящая драма.

— Господин был в ярости и ударил вас по лицу. После этого вы тяжело заболели, разум то прояснялся, то мутился. К счастью, Старая госпожа не оставила вас, искала врачей и лекарства. Четыре или пять лет потребовалось, чтобы вам стало лучше.

Заикание обычно не передаётся по наследству. Чаще всего это следствие неполного развития нервной системы или проблем со слухом. Но, судя по реакции Линь Цзиньчжэнь, с ушами у неё всё в порядке. Остаются внешние факторы: испуг, подражание, психологические установки.

— Вы заболели.

Цзыжоу протёрла глаза:

— Позже я дошла до ворот поместья Линь. Управляющий хотел прогнать меня, грязную и оборванную, но госпожа Сунь спасла меня. Она дала мне еды, воды, чистую одежду, денег на похороны родителей и позволила остаться в поместье. Только так я выжила.

— Ты... — Линь Ляоляо вложила вторую банку сладостей ей в руки, — это... это тоже тебе.

Цзыжоу хотела что-то сказать, но запнулась и начала рассказ:

— Госпожа, на что вы смотрели в Зале Нинъань? — Цзыжоу вспомнила, как несколько раз звала госпожу, прежде чем та пришла в себя.

Линь Ляоляо — не Линь Цзиньхэ, она понятия не имела, что произошло, но, судя по выражению лица Цзыжоу, ничего хорошего. — Она что, обижала меня?

— А я что, молчала? Позволяла ей так с собой обращаться?

— Этого я не знаю. Знаю лишь, что наложница Чжао была служанкой, пришедшей в приданое с госпожой Лю. — Цзыжоу, увидев задумчивое лицо госпожи, спросила: — Госпожа, к чему вы спрашиваете об этом?

— Да, с тех пор как пятая барышня начала говорить, это не прекращается.

— Я была больна? Чем?

— Её мать тоже заикалась?

Оступиться и упасть в реку — звучит как полнейший бред.

— Разве можно так много есть, госпожа... вы меня совсем разбаловали.

— Цзыжоу, а эта Линь Цзиньшу... мы с ней враждуем?

Цзыжоу отложила чайник, схватила Линь Ляоляо за руку и, не говоря ни слова, закатила рукав. На нежной белой коже виднелся шрам размером с медную монету. Похоже, это был след от ожога, и довольно старый.

— Обижала?! Да вторая барышня с госпожой Лю словно из одного теста сделаны! С виду добрые, а внутри — сплошное коварство!

— А твои родители...

— Женщина со слабым здоровьем, которая задыхается при ходьбе, пойдёт ловить рыбу? Разве в Сулине нет рыбных лавок? Зачем жене знатного господина самой лезть в воду? Этот повод звучит нелепо.

— Кто бы спорил. Но Старая госпожа лично всё проверяла, допрашивала всех вокруг. Если бы что-то было не так, разве она бы не нашла доказательств?

— Те, кто хочет твоей смерти, не оставят улики, чтобы ты могла их схватить.

Линь Ляоляо нахмурилась, в её глазах промелькнул холод. Похоже, в этом поместье Линь всё гораздо глубже, чем кажется.

Павильон Циньсэ.

Линь Минсюня приволокла за ухо Линь Цзиньшу.

Этот юный господин был единственным внуком мужского пола в семье Линь. Лю Хуэй души в нём не чаяла, баловала и лелеяла, стараясь ни в чём не отказывать.

— Отпусти!

Линь Минсюнь вырос настоящим тираном, не привыкшим к дисциплине. Если что-то шло не по его воле, он сразу начинал кричать или драться.

— Ты ещё смеешь меня толкать?! — Линь Цзиньшу была старше его на три года и значительно выше, поэтому её хватка стала только сильнее. — Тебе всего десять лет, ты, коротышка, возомнил себя небожителем?

Линь Минсюнь, не в силах справиться с ней, позвал на помощь:

— Матушка! Матушка! Выходи скорее! Сестра меня бьёт!

Лю Хуэй, услышав крик, тут же выбежала из комнаты:

— Безобразие! Живо отпусти его!

Линь Цзиньшу не собиралась проявлять снисходительность. Отпустить? Хорошо! Она отпустила!

Она с силой толкнула Линь Минсюня, и тот шлёпнулся на землю, тут же залившись плачем:

— Матушка! Ты что, не можешь её унять?

Лю Хуэй, всегда жалевшая сына, замахнулась на Линь Цзиньшу:

— Ах ты дрянная девчонка! С ума сошла?

— Я сошла с ума? По-моему, это он сошёл с ума! Спроси своего маленького предка, что он натворил?!

Лю Хуэй любила сына, но знала характер обоих детей. Линь Цзиньшу, как старшая сестра, всегда была рассудительной, и видеть её в таком гневе доводилось редко.

Лю Хуэй опустила занесённую руку и повернулась к лежащему на полу Линь Минсюню:

— Я же велела тебе идти к бабушке, ты ходил?

Линь Минсюнь, пристыженный, потирал ушибленное место и молчал.

— Что же ты молчишь? Ты ведь только что такой храбрый был! — Линь Цзиньшу выхватила из рук служанки красную парчовую шкатулку и со всего размаху швырнула на пол. Шкатулка разлетелась в щепки, а сладости рассыпались по всему полу. — Я из кожи вон лезу, прислуживая бабушке, а он всё разрушил! Зачем ты его туда послала?! Позорище! Опозорил нас перед этой семьёй Ци!

Линь Цзиньшу, всхлипывая, побежала в свою комнату.

Хлоп! Дверь захлопнулась.

— Что ты натворил? — взгляд Лю Хуэй, словно нож, вонзился в Линь Минсюня.

Мальчик, испугавшись, начал пятиться:

— Ма... матушка, я... я виноват...

В комнате Линь Цзиньшу срывала злость на служанке. Схватив со стола чайник, она в ярости закричала:

— Ты даже не удосужилась сменить холодную воду?! Ты вообще во что-то ставишь свою госпожу?!

Она начала отвешивать служанке пощёчину за пощёчиной.

Лю Хуэй стояла за дверью, слушая звуки ударов — не меньше двадцати раз. Только когда Линь Цзиньшу выместила гнев, служанка, шатаясь, вышла из комнаты.

— Госпожа...

— Уходи, уходи отсюда! — раздражённо махнула рукой Лю Хуэй.

Служанка, молча глотая слёзы, не смела издать ни звука, боясь, что Линь Цзиньшу затащит её обратно. Ещё двадцать пощёчин — и её лицо превратилось бы в кровавое месиво.

— Я всё поняла, — Лю Хуэй вошла в комнату. — Ты всё правильно сделала. С этой семьёй Ци я рано или поздно расправлюсь!

Она прикрыла дверь. Служанки снаружи поспешили отойти подальше — они не были так близки к госпоже, как матушка Хэ, и в случае чего именно их первыми принесли бы в жертву.

Лю Хуэй подошла ближе и погладила Линь Цзиньшу по спине:

— Успокойся. Это всё твой младший брат, твоей вины тут нет. Бабушка — человек разумный, она не станет винить тебя.

— Матушка, вы думаете, я так злюсь, потому что боюсь попасть под раздачу? — Линь Цзиньшу нахмурилась, в её глазах мелькнула злоба. — Бабушка лишила вас права управлять поместьем и передала его второй ветви. Вы говорите, что бабушка разумна, но если она разумна... разве она не понимает, что вы враждуете с этой семьёй Ци? Очевидно же, она использует вторую ветвь, чтобы подавить нас! И в такой момент вы заставляете меня прислуживать ей каждый день? Зачем? Чтобы вернуть расположение бабушки? А что делает Линь Минсюнь? Мало того что не помогает, так ещё и портит всё!

— Он не со зла. К тому же, какая Линь Цзиньчжэнь? Слова из неё не вытянешь!

— Матушка, давайте судить здраво: ошибка есть ошибка. Не нужно его выгораживать! Бабушка не терпит соринку в глазах. Минсюнь — молодой господин, но если так и дальше будет продолжаться, бабушка вмешается. Если вы не научите его уму-разуму, у бабушки появится повод забрать его в Зал Нинъань, и тогда вы потеряете всё. — Линь Цзиньшу понизила голос: — Я сказала всё, что хотела. Если вы хотите и дальше сидеть под домашним арестом — считайте, что я молчала.

Лю Хуэй вскочила, её глаза округлились от изумления:

— Откуда ты знаешь?!

— Я слышала, как вы говорили с отцом.

— Слышала наш разговор? Когда?!

— Когда матушку Хэ выгнали из поместья. Я не могла уснуть и гуляла по двору. Вы сказали отцу, что во что бы то ни стало нужно спасти матушку Хэ, что она единственная, кто остался у вас с тех пор, как вы приехали из Суиня. Отец согласился отправить её в родную деревню, чтобы, когда гнев бабушки утихнет, вернуть её обратно.

— Ах ты дрянная девчонка! Кто позволил тебе подслушивать?!

Линь Цзиньшу лишь пожала плечами:

— Матушка, чем именно вы так разозлили бабушку?

— Не твоё дело!

— Хорошо, не спрашиваю. Но с Минсюнем нужно что-то делать. Нельзя оставлять это просто

так. Его нужно наказать, причём строго, чтобы об этом узнали в Зале Нинъань.

— Это...

— Послушайте меня. Если тянуть, когда гнев бабушки утихнет, будет уже поздно. Вы ведь не хотите, чтобы эта Ци вечно помыкала вами?

— Тьфу! Кто она такая? Даже сына родить не может, а туда же — помыкать мной! Честное слово, она и сандалий моих не стоит!

— Вот именно. От этого зависит, сменит ли бабушка гнев на милость. К тому же Минсюнь — ваш родной сын. Лучше уж вы сами его накажете, чем кто-то другой, верно?

Лю Хуэй скривила губы:

— В этом есть доля правды. Говори, как наказывать?

<http://bllate.org/book/18628/1793578>